

Л. Г. Сахарова,
В. Е. Слотин

РОССИЙСКОЕ
УЧИЛИЩНОЕ
ЧИНОВНИЧЕСТВО
В XIX ВЕКЕ

УДК 337,5
ББК 74.03(2)+63.3(2)

Цель данной статьи — показать место училищного чиновничества в бюрократическом аппарате России в XIX веке и основные задачи его деятельности. Государство предъявляло высокие требования к уровню подготовки училищного чиновничества и обеспечивало социальные гарантии данной группе государственных служащих.

Ключевые слова: училищное чиновничество, чин, должность, образование, государственная служба.

L. G. Sakharova,
V. E. Slotin

RUSSIAN SCHOOL OFFICIALS
IN XIX CENTURY

The purpose of this article is to show the place of school officials in the bureaucracy of Russia in the XIX century and the main tasks of its activity. The government places great demands on the training level of school officials and ensure social guarantees to this social group.

Key words: school officials, rank, position, education, government service.

Необходимость нового обращения к феномену российского чиновничества вызвана расширением в настоящее время представлений о социальной стратификации. Традиционно в советской историографии российское чиновничество рассматривалось не как самостоятельная страта, а как

составная часть дворянского класса [8. С. 17, 30]. Однако в последнее время ряд исследователей [1; 9 и др.] обращаются к методологическому феномену чиновничества с позиций социальной стратификации, используя систему координат, предложенную П. А. Сорокиным. Выделяя

экономическую, политическую и профессиональную стратификацию, П. А. Сорокин отмечает их тесную взаимосвязь: «Люди, принадлежащие к высшему сословию в каком-либо одном отношении, обычно принадлежат к тому же слою и по другим параметрам; и наоборот. Представители высших экономических слоев одновременно относятся к высшим политическим и профессиональным слоям. Неимущие же, как правило, лишены гражданских прав и находятся в низших слоях профессиональной иерархии. Из такого общего правила существует и немало исключений. Так, к примеру, самые богатые далеко не всегда находятся у вершины политической или профессиональной пирамиды, так же и не во всех случаях бедняки занимают самые низкие места в политической и профессиональной иерархии» [12. С. 302—303]. Российское чиновничество как раз представляет собой такое исключительное явление политического превосходства при весьма небольшом (для основной массы) имущественном состоянии и, как следствие этого, почти полной зависимостью от государственного жалования [11. С. 58—59].

Возникает закономерный вопрос о том, насколько применимо к учителям, инспекторам, штатным смотрителям XIX в. понятие государственного служащего, чиновника, части бюрократического аппарата, насколько правомерно называть учителей служащими, ведь основная задача педагога — воспитание и образование юношества.

Нужно отметить, что понятие «служба» имеет много значений. Дореволюционные юристы неоднократно пытались дать определение понятию государственной службы. По мнению А. Д. Градовского, «под именем государственной службы мы разумеем известное юридическое отношение, возникающее для данного лица, вследствие принятия им определенной государственной должности» [7. С. 47].

Однако существует и другое отношение к понятию «служба»: так, Г. В. Атаманчук высказывает мнение, что «...служба в истории государства Российского всегда употреблялась в ином смысле, чем деятельность либо работа. В службе никогда не было обменных отношений, хотя она и оплачивалась... Короче говоря, издавна в России под словом (термином, понятием) «служба» понималось отношение, связь, обязанность долга, верности, преданности, готовности исполнить дело, оказать услугу, защитить свои интересы. Предполагалось, может быть и идеалистически, что служба не имеет только материальных измерений, вроде времени службы либо произведенных продуктов (изделий), а заключается в духовной (идейной, ценностной) общности того, кому служат, и того, кто служит; более того, в их совместной принадлежности к какому-либо большому и важному для них идеалу, интересу, делу. Например, служение Богу, церкви, монарху, государству, народу,

свободе, праву, Родине, Отечеству и т. п.» [1. С. 92—93].

В настоящее время преобладает определение государственной службы в широком и узком смысле. Широкое значение термина охватывает всю совокупность людей, работающих в государственных и муниципальных учреждениях и на предприятиях независимо от характера их деятельности. При таком подходе в государственную службу входят работники не находящиеся в частной собственности заводов, больниц, школ, научных учреждений, почты, милиции и т. д. Таким образом, служащий — это гражданин, занимающий должность в какой-либо организации и осуществляющий административную деятельность либо социально-культурное обслуживание за плату (врач, учитель, музейный работник и т. п.). В узком смысле в нее входит только персонал органов государственной власти и управления центрального и местного уровней.

Даже при широком понимании термина «государственный служащий» к данной категории можно отнести учителей. Учителя соответствуют специфике государственной службы, то есть они:

а) обладают особым предметом труда — информацией, которую создают, собирают, обрабатывают, передают, хранят;

б) воздействуют на людей, обслуживают, охраняют их;

в) непосредственно материальных ценностей не создают, но обеспечивая условия для их производства;

г) обычно заняты умственным трудом;

д) работают возмездно, получают заработную плату;

е) занимают должности в легальных организациях, работают на профессиональной основе;

ж) работают в «чужих интересах», то есть выполняют волю тех, кому подчинены, кто оплачивает их работу [2. С. 27].

Таким образом, в XIX в. учителя, безусловно, являлись государственными служащими, так как соответствуют основным признакам специфики государственной службы в широком понимании данного термина.

В XIX в. учитель имел в том числе управленческие функции, то есть о нем правомерно говорить и как о чиновнике в узком понимании термина. Причина такого утверждения в принципе самодержавной России в сфере образования, который сводился, по словам современников, к «... принципу служебной деятельности... в которой все наши учебные заведения, все, что только у нас занималось воспитанием, воспитывало своих детей, питомцев — учащихся не к тому, чтобы они впоследствии сделались людьми, а единственно готовило их на службу» [8. С. 80]. Иными словами, если первоочередной задачей подготовки учащихся в Российской империи в исследуемый период была пригодность их к будущей службе, то учащиеся должны были быть олицетворением чиновничьего класса, следующего обязательным инструкциям,

уствам, реализующим волю монарха. Как отмечает В. В. Розанов, ни в одном из Уставов учебных заведений не была оговорена личность учителя, его человеческие качества, «...т. к. ей не предполагалось никакого значения» [10. С. 183]. Кроме этого, официальный статус учителей определялся Правительствующим сенатом как «чиновников учебной службы» [6].

Приведем ставшее классическим определение чиновника XIX в. П. А. Зайончковского, включающее «...собственно чиновничество, т. е. лиц, имеющих классный чин и состоящих на службе в государственных учреждениях, а также канцелярских служителей, занимающих аналогичное положение в правительственном аппарате и впоследствии получающих классный чин» [8. С. 4]. Соотнеся это определение с личным составом учебных заведений, мы убедимся в его соответствии реальному положению дел. Согласно Уставам, регламентировавшим деятельность образовательных учреждений на протяжении XIX века, всех училищных чиновников (исключая почетных попечителей и обслуживающий персонал) можно разделить на 4 группы:

1. В соответствии с Уставом 1804 г. директор народных училищ (он же директор гимназии) состоял как минимум «...в VII классе государственных чиновников, если выше чина не имел».

2. Чин штатного смотрителя в Уставе 1804 г. не оговаривался, что вызывало постоянные просьбы о разъяс-

нении этого вопроса. Но, как правило, претенденты на данную должность принадлежали к IX классу.

3. Старшие учителя — учителя наук, преподаваемых в гимназии, состояли в IX классе, младшие учителя — учителя языков, преподаваемых в гимназии, состояли в X классе (Устав 1804 г.). С середины века было отменено деление учителей гимназии на старших и младших, каждый штатный учитель должен был иметь класс не ниже VIII. Согласно новому Уставу 1864 г., должность директора гимназии соответствовала V классу, а инспектора — VI классу. Все учителя гимназий и прогимназий считались на государственной службе.

4. Учителя рисования и учителя уездных училищ в первой половине века состояли в XII классе (Устав 1804 г.). Приходские учителя, если не состояли в духовном звании, обычно представляли XIV класс [13. С. 413—415]. Во второй половине столетия преподаватели городских училищ являлись чиновниками государственной службы, класс которых в уставах не оговаривался [11. С. 61—62].

К каждому типу учебных заведений прилагалось штатное расписание, в котором оговаривалось жалование училищных чиновников.

В первой половине XIX века, до реформ 1860-х гг., когда соблюдалось строгое соответствие между чином и должностью, государственная служба и чинопроизводство находилось в тесной взаимосвязи, что в полной мере относилось к служащим Министерства

народного просвещения, и Уставы учебных заведений — яркое тому подтверждение. Назначение на службу по учебному ведомству шло в соответствии с установленными правилами, например: директор гимназии должен был иметь чин не ниже VII класса, штатный смотритель — как правило, не ниже IX класса, старшие учителя — IX, младшие учителя — X класса. Помимо этого на чиновников, поступающих на службу по Министерству народного просвещения, распространялось действие законодательств о службе гражданской: правила приема, экзамен на чин, правила продвижения по служебной лестнице и т. п., что подтверждает мысль о том, что училищное чиновничество было частью чиновничьего сословия. Кроме этого, как и чиновники, служащие в любом другом ведомстве Российской империи, служащие Министерства народного просвещения при первоначальном определении на службу были обязаны приносить верноподданническую присягу: «Я, ниже поименованный, обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом пред Святым Его Евангелием в том, что хочу и должен Его Императорскому Величеству Государю Императору Николаю Павловичу, Самодержцу Всероссийскому, и Его Императорскому Высочеству Всероссийского Престола Наследнику Его Императорского Величества Великому Князю Александру Николаевичу, верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего до послед-

ней капли крови, и все к высокому Его Императорского Величества Самодержцу силы и власти принадлежащие права и преимущества, узаконенные и узаконяемые, по крайнему разумению, силы и возможности предостерегать и оборонять, и при том, по крайней мере, стараться спешествовать все, что Его Императорскому Величеству верной службе и пользе Государственной во всяких случаях касаться может. О ущербе же Его Величества интересов, вреде и убытке, как скоро о том уведая, не токмо благовременно объявлять, но и всяческими мерами отвращать и недопускать тщаться и всякую вверенную тайность крепко хранить буду и поверенный и положенный мне чин, как по сей (генеральной, так и по особой) определенной и от времени до времени Его Императорского Величества Именем от предуставленных надомной Начальников, определяемых Инструкциями и Регламентом и указами, надлежащим образом по совести своей исправлять и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды, противно должности своей и присяги не поступать и таким образом себя вести и поступать, как верному Его Императорскому Величеству подданному благопристойно есть и надлежит, и как я пред Богом и Судом Его страшным в том всегда ответ дать могу, как суще мне Господь Бог душевно и телесно да поможет. В заключении сей клятвы целую слова и Крест Спасителя моего. Аминь» [5]. После чего на чиновника заводился

формулярный список [11. С. 65].

Примечательным является и тот факт, что с отменой в 1834 г. экзамена на чин чиновники Министерства народного просвещения были теми, к кому применялся определенный образовательный ценз при приеме на службу. Как отмечено в словаре Брокгауза и Ефрона, «...в настоящее время... в законе не установлено ничего другого для обеспечения правильной практической подготовки к занятию государственных должностей... лишь некоторые ведомства требуют предварительного специального образования для служащих... это ведомства министерства народного просвещения, горное, путей сообщения, медицинское и т. д.» [3. С. 441–443].

Нельзя забывать, что учительский труд в общественном сознании как в XIX в., так и в настоящее время ассоциируется с большой продолжительностью рабочего времени, включающего общение с детьми и родителями, подготовку к урокам, занятость во внеклассное время, и, как следствие, с незначительным количеством свободного времени, низкой заработной платой, слабой обеспеченностью социальными благами, плохими матери-

ально-бытовыми условиями жизни, а зачастую и с бедностью.

Однако особенность и привлекательность труда учителя, особенно в первой половине XIX столетия, заключалась в том, что служащие Министерства народного просвещения были неотъемлемой частью государственного аппарата самодержавной России, что гарантировало им продвижение по служебной лестнице и получение очередного чина. Учитель, как правило, обладал классным чином, получал определенное по штату жалование, что соответствует определению П. А. Зайончковского о российском чиновничестве [11. С. 78].

Таким образом, училищное чиновничество в России в XIX в. — это социально-профессиональная группа, неоднородная по сословному происхождению, возрастному, образовательному статусу, обеспечивающая функционирование системы народного просвещения посредством духовного производства и передачи информации (обучение, воспитание подрастающего поколения) и выполнения административных функций (управление, составление отчетности).

Список литературы

1. Атаманчук, Г. В. Сущность государственной службы: история, теория, закон, практика / Г. В. Атаманчук. — М. : Изд-во РАГС, 2003. — 272 с.
2. Бахрах, Д. Н. Государственная служба России / Д. Н. Бахрах. — М. : Проспект, 2007. — 152 с.
3. Брокгауз, Ф. А., Ефрон И. А. Чиновничество // Энциклопедический словарь. — СПб. : Тип. Акционерного общества Брокгауз — Ефрон, 1902. — 960 с.
4. Вессель, Н. Х. Очерки об общем образовании и системе народного образования в России / Н. Х. Вессель. — М. : Учпедгиз, 1959. — 320 с.
5. Государственный архив Кировской области. — Ф. 205. — Оп. 1. — Д. 1173. — Л. 15.
6. Государственный архив Кировской области. — Ф. 582. — Оп. 138. — Д. 24. — Л. 19.
7. Градовский, А. Д. Начала русского государственного права / А. Д. Градовский // Собрание сочинений. — СПб., 1908. — Т. 8. — 213 с.
8. Зайончковский, П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. / П. А. Зайончковский. — М. : Мысль, 1978. — 288 с.
9. Макарин, А. В. Бюрократия в системе политической власти / А. В. Макарин. — СПб. : Изд-во СПбГУ, 2000. — 156 с.
10. Розанов, В. В. Сумерки просвещения / В. В. Розанов. — М., 1990. — 620 с.
11. Слотин, В. Е. Провинциальное училищное чиновничество в России в XIX в (на материалах Казанского учебного округа) : дис. ... канд. истор. наук / В. Е. Слотин. — Киров, 2010. — 243 с.
12. Сорокин, П. А. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. — М., 1992. — 567 с.
13. Устав 1804 г. // Журнал Департамента народного просвещения. — СПб.: Типография Департамента народного просвещения, 1822. — Апрель. Кн. 4, часть I. — 512 с.